

Луна чужой заморской страны была холодной, пронзительно-голубой.

Наступающий холод исходил не только от каменного пола. Он начинался из глубины сердца, промёрзшего насквозь от пронизывающего одиночества. Вот почему, даже собрав в комок ушибленные колени и с трудом разогнув окоченевшие пальцы, чтобы растереть их, невозможно было легко обрести тепло.

Со всех сторон возвышались крутые утёсы. Тихий холодный дворец, где даже ветер не дул, холодно убеждал единственное живое существо поскорее умереть.

— Всхлип.

Глаза пересохли, слёзы не текли. Лишь слабо всхлипывал.

— Наш красивый Пунхони.

Закрыв глаза, вспоминался ласковый взгляд и нежный зов. Следом воспоминания о заботливо похлопывающей руке и крепких объятиях, поднимавших до самого неба, делали ноющую грудь ещё более холодной.

— Наш малыш. Сегодня поиграешь с отцом?

Молчаливый и строгий отец был особенно нежен только с младшим ребёнком. Находясь на должности ниже одного, но выше десяти тысяч, он часто опускался на колени и склонял взгляд лишь перед Пунхони, который едва доставал ему до колена. Когда Пунхони невоспитанно широко расставлял руки, отец, словно ждал этого, расплывался в улыбке и подхватывал его. Обернувшись в объятиях отца, можно было увидеть, как старшая мать и мать улыбаются и следуют за ними, развевая подола платьев, словно цветы. Где-то там была родина, где расцветал смех?

Едва успев оживить мучительные воспоминания, налетел северный ветер, покрытый инеем. Внезапно появился белый небесный дракон, на котором взлетели высоко в небо, а затем упали в место, которое оказалось миром токкэби, которых никогда не видели и о которых не слышали.

(Примечание: токкэби — корейский мифологический дух, аналог домового или гоблина).

Когда в испуганную грудь ворвался холодный воздух чужой страны, и с кружащегося неба посыпались звёзды, словно иней.

Тогда он появился.

Тот, кто явился, словно надев шлемом сияющее солнце, разгоняющее ночь, распространяя вокруг запах крови.

Тот, чьи тяжёлые шаги производили металлический лязг, и на чьих широких плечах красная кровь была словно плащ.

Когда напивавшиеся влагой звёзды затаили дыхание, а слегка колыхавшийся ветер в ужасе отступил, Пунхони встретился взглядом с хищником, смотревшим на него.

Острый, словно отточенный, нос и челюсть, похожая на соломорезку. Плотные сжатые губы напоминали посланца загробного мира. Нет, нет. Это был не посланец загробного мира. Аура,

которую он источал, была не просто посланца (□□), а льва (□□). Тёмная одежда, которая, казалось, изначально была белой, и бледное лицо напоминали белого тигра.

В момент, когда прозрачные голубые глаза окинули взглядом Пунхони, тот вспомнил Владыку Севера, управляющего ракшасами и злыми духами. Неизвестно, главой чего он был, но несомненно был главой.

Пара ярко-голубых, словно голубой нефрит, глаз, которые не смогла поглотить даже ночная тьма, медленно приближалась. Пунхони, ошеломлённо глядевший на таинственные и прекрасные глаза, понял, что это не чистый голубой нефрит, а лазурит с вкраплениями золота. В оправе драгоценного камня находился человек, лишённый души.

Неужели существует столь величественный и прекрасный человек? Несомненно, это был небожитель, служащий Верховному Владыке на небесах. Или, возможно, из рода Верховного Владыки. Очевидно, это был столь высокородный человек, что даже простому смертному было неловко взирать на его лик.

Поставив дрожащие колени, Пунхони выразил ему почтение и представился. И, чтобы подтвердить своё происхождение, протянул золотой серебряный цветок.

Небожитель слегка наклонил голову и искривил уголки губ.

Ах.

Внутренности словно провалились, а затем снова вздыбились. Пробежала мелкая дрожь, и тут же на щеках расцвёл румянец. Сердце глубоко внутри почему-то забилось с грохотом. Небожитель протянул руку и взялся за стебель золотого серебряного цветка. Руки соприкоснулись. Сердце застучало, словно колесо повозки, застрявшее в луже.

Тук-тук.

Уголки губ небожителя всё сильнее искривлялись, и вскоре обнажились белые зубы, похожие на клыки свирепого тигра. Внезапно всё вокруг замёрзло. Одновременно от небожителя хлынула свирепая аура. Пунхони осознал, что произошло что-то очень плохое.

Это было уже давно.

Как же так получилось, что оказался заточённым в холодном дворце чужой страны? Ведь был определённо счастлив. Определённо смеялся.

Прижимая сухую щёку к коленям и пытаясь заснуть, холод, наступающий со всех сторон, безжалостно будил Пунхони.

Как оказался в этом месте... Чтобы постоянно помнить о страшных и ненавистных событиях.

<http://bllate.org/book/15149/1340018>